

Теория литературы и идеология

Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М.: Территория будущего, 2010. — 296 с.

Р ецепция англо-американской теории в России идет неспешно и носит скорее спорадический характер. Переведены на русский и издаются важные труды американцев Поля де Мана, Хейдена Уайта, Харольда Блума, но при этом до сих пор не переведена «Анатомия критики» канадца Нортропа Фрая и не издано ни одной книги Фредерика Джеймисона. Еще более печально обстоит дело с изданием работ британских теоретиков: на ум не приходит ничего, кроме тома статей Т.С. Элиота и маленькой книжки Джонатана Каллера «Теория литературы. Краткое введение». Между тем среди англичан есть по меньшей мере два теоретика, заслуживающих пристального внимания: стоявший у истоков Cultural Studies Реймонд Уильямс (издание работ которого еще только предстоит) и его ученик, один из самых значительных современных марксистских теоретиков Терри Иглтон.

В России Иглтон практически не известен: за исключением нескольких разрозненных публикаций, до последнего времени на русском языке появилось только одно издание — «Марксизм и литературная критика»¹. И вот наконец издана «Теория литературы. Введение» — академический бестселлер, разошедшийся в оригинале тиражом больше миллиона экземпляров, самый известный и, несомненно, один из важнейших трудов Иглтона. Работа Иглтона в поле теории крайне плодотворна. Предложенные им идеи и исследовательские стратегии, несмотря на строгий академизм автора, сложно нейтрально резюмировать в учебнике, в главе о британских «новых левых»². Его критика впечатляюще глубока и ответственна, но, не-

¹ Иглтон Т. Марксизм и литературная критика. М.: Свободное марксистское издательство, 2009.

² Характерный пример: включенный в антологию «Современная литературная теория» текст Иглтона «Капитализм, модернизм и постмодернизм» представляет собой полемический отклик на статью Джеймисона, с которой составители не посчитали нужным ознакомить читателя. См.: Современная литературная теория. Антология. М.: Флинта, 2004. С. 294.

смотря на формальную завершенность, всегда устремлена в будущее, всегда предполагает следующий шаг. Иглтону удалось не только сохранить, но и развить марксистскую теорию, а вместе с ней — сохранить целостность своих взглядов и избежать смены академических и политических приоритетов (как известно, конец эйфории конца 60-х — начала 70-х заставил многих французских интеллектуалов резко сменить свои политические позиции).

Стоит упомянуть о непродолжительном юношеском альтюссеризме (с позиций которого он резко критиковал своего учителя Реймонда Уильямса в 70-е), а также об умеренном католицизме Иглтона: в 2006–2008 годах Иглтон выступил с рядом выступлений и публикаций против известных пропагандистов атеизма Ричарда Докинза и недавно скончавшегося Кристофера Хитченса, которых он издевательски называет общим именем «Дитчинз». Лекции, прочитанные в Йельском университете, были опубликованы в книге «Разум, вера и революция», и речь в них среди прочего шла о революционности и прогрессивности христианства. Это дает некоторым критикам повод повторять тривиальности вроде «кто не был в молодости радикалом — тот подлец, а кто не стал с возрастом консерватором — дурак». Иглтон — выходец из ирландской семьи рабочих-католиков, первоначальное образование получил в романо-католическом Колледже Де Ла Саль в Солфорде, в шестидесятых входил в левокатолический кружок, сложившийся вокруг журнала *Slant*, участники которого вдохновлялись трудами Витгенштейна и Маркса. Тогда же он написал свою первую книгу под названием «Новая левая церковь»³. Одним словом, Иглтон хранит верность не только рабочему классу.

«Теория литературы. Введение» была впервые опубликована в 1983 году, в эпоху расцвета тэтчеризма и «начала конца» теории, о смерти которой вскоре заговорят в полный голос: самые важные теоретические тексты XX века к этому времени уже были написаны, умер Ролан Барт, Фуко оставалось жить один год, в конце 1983 года скончался Поль де Ман. Чтобы лучше понять достоинства и недостатки этой неординарной работы, важно иметь в виду культурный и политический контекст ее создания. С одной стороны, разгром, полная дезориентация левых и «реставрация классовой власти»⁴, с другой — окончательное размывание поля теории, и без того не слишком однородного, а после импорта французской теории и *Cultural Studies* из Америки и вовсе расплывшегося. «Политика идентичностей», противопоставленная «устаревшим» традиционным видам левой политики, способствовала производству и перепроизводству бесчисленного количества дискурсов: феминистская и постколониальная

³ *Eagleton T. The New Left Church. London: Sheed and Ward, 1966.*

⁴ *Харви Д. Неолиберализм и реставрация классовой власти // Прогнозис. 2006. № 2. С. 8–56.*

критика, гей-лесбийские и другие исследования, связанные с проблемами идентичности. В этой ситуации Иглтон и сделал ход, который придал марксистской критике столь необходимый ей в то время импульс для дальнейшего развития: он проанализировал и показал идеологическую обусловленность основных направлений европейской теории XX века — от формализма до постструктурализма и самых «незаинтересованных»⁵ способов анализа текста. По его словам, «одна из задач этой книги заключается в том, чтобы показать: не существует “чистого” отклика (response) на литературу: все эти отклики на различные аспекты произведения, и не в последнюю очередь на литературную *форму*, которые зачастую сводятся к сфере “эстетического”, в значительной степени зависят от того, что мы представляем собой в качестве социальных и исторических индивидов»⁶.

В книге нет главы о марксистской теории литературы — и отнюдь не потому, что автор разобрался с этой темой в упомянутой выше ранней работе. Напротив, с его точки зрения, именно марксистская — и, шире, политическая — критика является своеобразной точкой сборки, из которой можно провести ревизию различных типов дискурса, вскрыть их предпосылки, вычленив из них то, что действительно помогает анализировать тексты, и отбросить то, что обусловлено реакционными идеологиями. Очевидно, что такой подход существенно отличается от позиций Славоя Жижека и Фредерика Джеймисона. Жижек, тексты которого Иглтон характеризовал как «раздерганные коллажи из идей»⁷, не видит никакой проблемы в идеологической зараженности дискурса того или иного автора, он просто выхватывает понравившиеся ему идеи и «диалектически» ими жонглирует. Джеймисон же, при всем его внимании к проблеме тотальности, в «Политическом бессознательном» апеллирует к концепциям Нортропа Фрая и Эриха Ауэрбаха так, словно они не нуждаются в критическом анализе и могут использоваться «как есть».

В последней главе книги Иглтон подводит итоги и формулирует собственную позицию относительно обсуждаемого предмета: «Я противопоставляю теориям, изложенным в книге, не теорию *литературы*, но другой тип дискурса — неважно, как мы его назовем — дискурс о “культуре”, “практиках означивания” или как-то еще, — включаю-

⁵ Из всех типов «неполитической» критики наиболее близок автору психоанализ, которому в этой работе посвящена отдельная глава. В статье 1977 года под названием «Маркс, Фрейд и мораль» Иглтон утверждал, что, поскольку марксистская теория не в состоянии справиться с проблемой морали, она должна быть дополнена психоанализом: «Существует только одна теория, способная помочь историческому материализму, и это другой классический материализм — психоанализ». См.: *Eagleton T. Marx, Freud and Morality. New Blackfriars. Vol. 58. Issue 680 (January 1977).*

⁶ Цит. с исправлениями по: *Иглтон Т. Теория литературы. Введение. С. 118.*

⁷ *Eagleton T. The phenomenal Slavoj Zizek. http://entertainment.timesonline.co.uk/tol/arts_and_entertainment/the_tls/article3800980.ece*

щий в себя объекты («литературу»), с которыми имеют дело другие теории, но трансформирующий их путем помещения в более широкий контекст»⁸. Иронически охарактеризовав свой метод как «консервативный» (поскольку он направлен против многочисленных теоретических инноваций, разработанных на протяжении XX века), автор предлагает обратиться к традиционной риторике, позволяющей анализировать «практику эффективного дискурса» — не только устройство последнего, но и условия его производства и потребления. Разумеется, подобным образом может изучаться не только литература — впечатляющим результатом применения этого подхода является сама «Теория литературы», по форме тяготеющая, скорее, к историческому, нежели литературоведческому исследованию. Речь в ней идет не о родах, жанрах и стихотворных размерах, но о сменяющих друг друга школах и направлениях. Постструктурализм сменяет структурализм так же, как романтизм сменил классицизм.

Несложно заметить, однако, что будь книга выстроена тематически (например, как «Марксизм и литературная критика», отдельные части которой посвящены проблемам базиса и надстройки, формы и содержания и т. д.), установить корреляцию между аргументами тех или иных теоретиков и историческим контекстом их возникновения было бы делом если и посильным, то гораздо менее осмысленным. Так, комплексное теоретическое исследование едва ли будет полным, если вместо имманентно-сопоставительного рассмотрения теорий жанров Аристотеля и Гегеля, поместить их в «более широкий контекст». Такое изменение оптики, при котором метаязык ставится в положение языка-объекта, продуктивно, но может привести нас к односторонним выводам: даже если нам удастся максимально корректно показать идеологическую обусловленность теоретических ходов Аристотеля и Гегеля, это вряд ли поможет нам понять, какое значение имели их аргументы для последующей дискуссии о теории жанров, в каком состоянии эта дискуссия находится теперь и как она может быть продолжена. Гораздо более подходящим инструментарием для исследования подобного толка оказывается, например, аналитическая философия⁹, что было убедительно продемонстрировано французским теоретиком Ж.-М. Шеффером в книге «Что такое литературный жанр?»¹⁰.

Проблематична уже сама теоретическая рамка «Теории литературы»: в первой главе мы сталкиваемся с тезисом «литературы не суще-

⁸ Цит. с исправлениями по: Иглтон Т. Теория литературы. Введение. С. 243.

⁹ Сам Иглтон знаком с этим направлением не понаслышке. См. например: *Eagleton T. The Meaning of Life. Oxford, 2007.*

¹⁰ Автор показал, что не существует единой теории жанров: различные способы определения жанров распадаются на несколько не сводимых друг к другу логик. См.: *Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? М.: Едиториал УРСС, 2010.*

ствуется», в последней — с тезисом «теории литературы не существует». Литературы не существует потому, что провалились все попытки дать этому понятию непротиворечивое определение — проблема, над которой многие теоретики бились долгие годы, но так и не смогли ее решить. Иглтон предлагает решение в духе социального конструктивизма: понятие литературы исторически изменчиво, его границы то и дело меняются, и, следовательно, литература — это то, что в данном конкретном обществе в данный исторический момент принято считать литературой. У литературы нет сущностного наполнения — любой нелитературный текст при определенных исторических обстоятельствах может стать литературой и наоборот.

Действительно, существуют примеры того, как тексты становятся литературой и перестают ею быть, однако это не означает, что у понятия литературы нет прочной основы. Жерар Женетт в работе «Вымысел и слог» предложил различать два типа «литературности» — конститутивную и кондициональную¹¹. Конститутивная литературность определяется структурными признаками: любой сонет (стихотворение, форма которого строго кодифицирована) всегда будет литературой независимо от того, какие исторические изменения произойдут с обществом, а равно, хороший это сонет или плохой. Это центр литературы, ее ядро. Но существует также и периферия — например, речи Цицерона или письма русских писателей первой трети XIX века: эти тексты не обладают структурными признаками, по которым мы могли бы отнести их к литературе, и тем не менее они ею являются (разумеется, речи и письма нашего современника литературой считаться не будут). Отсюда и возникает ошибка Иглтона, который заявляет, что легко можно представить себе общество, в котором тексты Шекспира (обладающие конститутивной литературностью по Женетту) не будут считаться литературой — ситуация вполне представимая, но только в подобном обществе просто не будет понятия литературы¹². То же самое относится и к теории литературы.

Предложенный Иглтоном подход — своего рода социология теории литературы — эффективен, но в конечном счете наталкивается на серьезные ограничения и грозит (в случае доведения его до логического предела) вылиться в такой тип критики, при котором последовательная демонстрация противоречивости и идеологической обусловленности разных теорий приведет к отказу от участия во множе-

¹¹ См.: Женетт Ж. Фигуры. Работы по поэтике. В 2 т. Т. 2. С. 342.

¹² Впрочем, судя по выступлению в Университете Депол в 2007 году, посвященному выходу его книги «Как читать стихотворения», Иглтон пересмотрел свою позицию по этому вопросу. Видимо, радикальность такого подхода была обусловлена историческими обстоятельствами — воздействие идеологии испытывают не только консервативные и либеральные теоретики.

стве локальных дискуссий, по большей части и формирующих поле теории литературы¹³.

Однако значение книги Иглтона для отечественного читателя заключается как раз в ее метатеоретичности. Современная русская теория литературы во многом является наследницей теории советской: «Внутренняя когерентность советского теоретического стандарта оказалась так высока, что эта чисто умозрительная, замкнутая в себе система, игнорировавшая достижения и русского формализма, и тартуского структурализма, не говоря уже о зарубежных теоретических школах, пережила крушение идеологии, на которую опиралась: непригодная для практического анализа литературных произведений, не применявшаяся ни одним вменяемым историком литературы, она по-прежнему в более или менее трансформированных версиях одушевляет собой новейшие российские учебники»¹⁴. Ее догматический, прескриптивный характер, и в то же время сомнительные прикладные качества, на которые она в первую очередь и претендует, противопоставляя себя полифонии зарубежной теории, полностью выключают русскую теорию литературы из сколько-нибудь содержательных современных дискуссий. Характерно и то, что мейнстримовая русская теория литературы является именно «теорией литературы», а не просто теорией¹⁵, как сегодня все чаще именуют множество дискурсов, вышедших по большей части из теории литературы, но отнюдь ею не ограничивающихся. Кому, например, из наших преподавателей «введения в литературоведение» придет в голову рассказывать студентам вместо ямба и хорея про Гуссерля, Хайдеггера, Фуко и Лакана, теории которых подробно рассматриваются Иглтоном? Работа отдельных ответственных исследователей не может существенно повлиять на ситуацию; возможно, издание книг вроде «Теории литературы» Иглтона будет полезным не только для рецепции англо-американской и современной марксистской теории, но и для расширения дисциплинарного поля отечественной теории литературы в целом.

К сожалению, качество перевода «Теории литературы» оставляет желать много лучшего. Текст пестрит ошибками и неточностями — два предложения из книги, процитированные выше в этой ре-

¹³ Проблема, в некотором смысле противоположная той, с которой сталкивается Ф. Джеймисон, по мнению которого марксистская теория может не только показать ограничения существующих методов интерпретации литературы, но и включить их в себя. См.: *Jameson F. The political unconscious: narrative as a socially symbolic act.* Routledge, 1983. P. X.

¹⁴ *Зенкин С.* Дидактический материал. Заметки о теории. 6. НЛО №63, 2003. С. 325.

¹⁵ «Теория — это интеллектуальная деятельность, соотношенная с познавательной практикой конкретных общественных наук. Эта практика может быть историографической, дескриптивной, интерпретативной и т. п. (...)». *Зенкин С.* Введение // *Русская теория. 1920–1930-е годы.* М.: РГГУ, 2004. С. 7. Также см.: *Каллер Дж.* Теория литературы: краткое введение. М.: АСТ, 2004.

цензии, нуждались в существенной правке. Местами встречаются совсем неприличные ошибки, например: «Поначалу понимание категории литературы было сужено до так называемого творческого, или фиктивного, произведения» (с. 38). В оригинале читаем: «What happened first was a narrowing of the category of literature to so-called “creative” or “imaginative” work» — и не столь важно, что в оригинале нет слова «понимание», зато там есть слово «imaginative», переведенное как «фиктивное» (может быть, имелось в виду все-таки «фигуративное»?). На с. 67 словосочетание «close reading» переведено как «тщательное прочтение», хотя его принято переводить как «пристальное чтение», на с. 161 слово «articulation» — как «сочленение», на с. 166 «universal proposition» — как «универсальное предположение» и т. д. В комментарии к предложению «Метод достаточно безразличен к культурной ценности объекта: анализу может подвергнуться все, что угодно, от “Войны и мира” до WarCry» (с. 125) переводчик пишет: «Вероятно, имеется в виду Печатный орган Армии спасения», хотя первое, на что указывает поиск через Google — популярная компьютерная игра. Предложение же «В своем “*Ecrits*” Лакан пытается заново проинтерпретировать Фрейда в свете структуралистской и постструктуралистской теории дискурса» (с. 199) и вовсе не нуждается в комментарии. Не вызывает восторга и другой аспект переводческой работы: стиль Иглтона, выдержанный ритм и прочие литературные достоинства его текста практически полностью остались в оригинале, а интонации переводчика существенно потеснили интонации автора.

Не меньше вопросов вызывает предисловие переводчика: читатель найдет в нем множество ни на чем не основанных утверждений, которые, скорее, отобьют у него желание читать последующий текст, чем сориентируют в нем. На первой же странице речь заходит об относительной неизвестности отечественным гуманитариям Иглтона и других английских литературоведов-марксистов: упомянутого в начале нашей рецензии Реймонда Уильямса, а также Стюарта Холла, Стивена Хита и Колина Маккейба. «Имена этих исследователей ничего не скажут российским студентам-филологам, в большинстве своем оторванным даже от собственных марксистских литературоведческих корней» (с. 7). Есть все основания полагать, что и специалистам-филологам (причем не только российским) они тоже ничего не скажут, т. к. социолог Холл (судя по его библиографии) литературой вообще не занимался, а Хит и Маккейб известны, в первую очередь, как исследователи и теоретики кино. Про «оторванность от собственных марксистских литературоведческих корней» упоминалось выше.

Через несколько строк мы встречаем следующее утверждение: «Терри Иглтон толкует советскую литературоведческую традицию в ее генетической связи с марксизмом и находит зерно марксист-

ской социальной критики у формализма — важнейшего направления в истории нашего литературоведения, нередко сводимого сейчас к анализу “внутренних приемов” создания текста. Однако сами формалисты прямо указывали на недопустимость “внеисторического” подхода к литературному анализу»¹⁶ (с. 8), прямо противоречащее тому, что мы находим на с. 22 у самого Иглтона: «(...) хотя они (формалисты) не отрицали отношений искусства с социальной реальностью, более того, некоторые из них были тесно связаны с большевиками, но при этом провокативно заявляли, что изучать эти отношения — не дело критиков». Иглтон нигде не называет русских формалистов «советскими литературоведами», а свое отношение к советскому марксизму он коротко и емко сформулировал в ранней работе: «(...) система, погибшая в Советском Союзе, была марксистской только в том смысле, в каком инквизиция была христианской»¹⁷. На с. 9 предисловия утверждается, что «в нем (современном отечественном литературоведении) безраздельно царят две школы, чьи труды начиная с конца 90-х переводились на русский язык с небывалой активностью: герменевтика и постструктурализм», но в подтверждение этого тезиса не приводится ни одного имени современного русского представителя герменевтики или постструктурализма, занимающегося литературой. Разумеется, при желании можно вспомнить нескольких исследователей, с тем или иным успехом пытающихся работать с литературными текстами при помощи методов, предложенных представителями упомянутых направлений, но до «безраздельного царения» им пока далеко.

Наконец, в качестве одной из наиболее актуальных идей книги называется «пересмотр сформировавшегося круга писательских имен, занявших литературный Олимп» (с. 12), т. е. пересмотр канона — призыв, который был актуален в начале 80-х. Однако уже в послесловии ко второму изданию «Теории литературы» автор указывает на то, что эта задача выполнена: «Неустойчивая природа литературных канонов, их зависимость от обусловленных культурой ценностей ныне довольно широко осознается» (с. 282). Разумеется, многочислен-

¹⁶ В подтверждение этого тезиса приводится цитата из статьи «Литературный факт» Ю. Тынянова: «Обособляя литературное произведение, исследователь вовсе не ставит его вне исторических проекций, он только подходит к нему с дурным, несовершенным историческим аппаратом современника чужой эпохи». Из этого высказывания делается вывод о том, что формалисты настаивали на связи произведения с историческим контекстом, хотя Тынянов имел в виду совершенно иное: он призывал рассматривать произведения литературы не как замкнутые на самих себя, но как взаимодействующие звенья в цепи литературной эволюции, которая развивается согласно собственной логике и не только не зависит от исторического контекста, но, напротив, оказывает воздействие на «литературный быт» — понятие, введенное формалистами для описания явлений подобного рода.

¹⁷ Иглтон Т. Марксизм и литературная критика. С. 4.

ные неточности и путаница понятий, возникающие при обсуждении проблем современной теории, — проблема не частная, но общая; от многих подобных ошибок книга Иглтона помогает избавиться.

Иван Аксенов